

Асан АХМАТОВ



МЕЧ И ПЕРО

Асан АХМАТОВ

Меч и перо

«Автор»

2010

Ахматов А. К.

Меч и перо / А. К. Ахматов — «Автор», 2010

Повесть интересна тем, что ее написал племянник Чингиза Айтматова (всемирно известный писатель), который знаком не понаслышке с историей жизни писателя и его семьи, которая была репрессирована 1937 году. Пятьдесят лет Чингиз ищет следы своего отца. Наконец в 1991 году по невероятному стечению обстоятельств находится место массового расстрела, где с остальными 137 –и безвинно расстрелянными покоятся останки отца. Пришедшая правда, вероломна скрытая во времена Сталинского режима от людей, поражает своей бесчеловечностью. Кроме этого в повести невероятным образом пересекаются пути двух выдающихся людей по имени Чингиз – Чингисхана и Чингиза Айтматова.. Кто из них оказал большее влияние на умы и сердца людей?.. Автор не дает прямого ответа, но дает читателю пищу для размышлений. Кто мы? Куда идём? Какая наша цель? Что хотим оставить после себя потомкам?.. Проблемы нравственности, морали и духовного долга человека поднимаются в этом, несомненно, интересном произведении.

© Ахматов А. К., 2010

© Автор, 2010

Посвящается Торокулу и Нагиме Айтматовым

*Любить и ждать – это, наверно, самое тяжелое испытание,
которое может выпасть на долю женщины.*

*Судьбу от болезни беспамьятства ты защити –
Ведь у человека на долгом и трудном пути,
Помимо матери – той, что его родила, –
Четыре есть матери, словно четыре крыла:
Родная земля – наша суть и основа основ,
И слово родное, пришедшее к нам от отцов,
Родные обычаи – добрый и благодный свет,
Горящий для нас через тьму поколений и лет,
Родная история – как бы она ни была
Горька и печальна, мучительна и тяжела...*

*Беспамьятным ветром развеет беспамьятный прах,
Того, кто забыл о своих четырёх матерях.
Народ, что четыре святыни не смог защитить,
Не сможет и счастья судьбы никогда ощутить.
Четыре Матери – словно судьба дорогих,
Коль жить – лишь для них,
А погибнуть – так только за них!..*

Мухтар Шаханов

ПРОЛОГ

Волк поднял нос по ветру и замер. Замерла и идущая за ним вслед волчица. Посмотрев на застывшего вожака, она поняла, что причиной внезапной остановки был какой-то важный сигнал. И действительно, тонкое обоняние зверя в разреженном горном воздухе уловило фрагменты отдельных запахов, которые могли бы заинтересовать голодную пару. Полученная волками через их феноменальные сенсоры обоняния информация говорила о том, что здесь, на склоне тянь-шаньских гор, недавно паслось стадо горных козлов. Видимо, их спокойствие было кем-то нарушено, гурт ретировался со склона в сторону северных хребтов и в данное время продолжает двигаться без остановки. Волк знал, что в местах с отвесными скалами горным козлам нет равных. Преследование этих животных было бесполезной тратой времени и сил. И если бы не один важный момент, который учуял острый нюх волка, вопрос о возможном преследовании стада перед ними бы не стоял. Нос подсказал вожаку, что среди снявшегося со склона стада есть ослабевшее животное, которое едва поспевало за сородичами. Именно эта информация, выделенная из всей гаммы запахов, заставила голодных хищников перейти из поискового состояния в охотничье.

Волки, осторожно ступая среди камней, спустились на стойбище, где до недавнего времени паслись козероги. Среди многочисленных следов копыт вожак безошибочно нашёл след обречённого. Выделив его из всех прочих, хищник принялся к отпечатку копыта и, глубоко вдохнув, «отсканировал» его в память. Тысячелетиями совершенствовавшийся мозг зверя, словно современный суперкомпьютер, за долю секунды обработал поступившую информацию, разбив её на составляющие, и выдал виртуальный образ будущей жертвы. Интересующий вол-

ков объект был особью мужского пола, трёхлетнего возраста. У него была повреждена правая передняя нога. Рана загноилась, и личинки овода не давали ей зажить, доставляя животному сильную боль. А попавшая в рану инфекция спровоцировала серьёзный воспалительный процесс. Козёл уже не мог в полную силу ступать на больную ногу. Животное потеряло прежнюю скорость передвижения, которая являлась залогом его безопасности, и было обречено. Вопрос теперь стоял лишь во времени его обнаружения. Вот такую информацию получил мозг хищника, при этом волк не забыл о том, что потенциальная жертва, хоть и потеряла главное преимущество, будет до последнего вдоха бороться за свою жизнь, и догнать ее в горах будет нелегко даже в столь нездоровом состоянии. Для волка – совершенного охотника животного мира – это было так же очевидно, как и основной закон природы, гласивший: выживает сильнейший. Как и то, что с самого сотворения мира всё живое подчиняется инстинкту самосохранения.

После того, как хищники определили направление охоты, волчица решила немедленно начать преследование потенциальной жертвы. Она приготовилась сорваться в погоню и ожидала лишь знака от вожака. Однако хищник гнаться за козерогом почему-то не спешил, что вызвало беспокойство у его спутницы. Волчица не догадывалась, что в последний момент в мозг вожака поступила ещё одна немаловажная информация: среди прочих запахов, учуянных сенсорами обоняния волка, имеется особенный, на который необходимо обратить пристальное внимание перед тем, как решиться на погоню за больным животным. Это был запах лошадиного пота, и он мог означать лишь одно – поблизости от животных должен быть человек, который намного умней и коварней любого хищника, в том числе и представителей волчьего рода. Волк, как и всё живое, боялся встречи с человеком. Волчица же не была знакома с людьми, и запах лошадиного пота не испугал её так, как вожака, который,

напротив, хорошо знал, с кем имеет дело. Поэтому теперь волк попробовал отыскать следы хозяина лошади, и лишь после принять решение по дальнейшему плану действий.

Вожак не ошибся. Следы копыт он обнаружил на другом склоне хребта, откуда в первый раз учуял лошадей. Здесь же, вынюхивая следы, он нашёл едва заметную тропу, по которой и передвигались кони. Он был знаком с этой тропой. Она простиралась по всей гряде горных склонов и вершин, беря начало в великих степях и заканчиваясь в котловине горячего озера. Волк остерегался этой дороги, потому что он не раз встречался на ней с людьми, которые шли по тропе с тяжёлыми вьюками, нагружёнными на верблюдов и лошадей. То были караваны с шёлком, сопровождаемые неторопливыми погонщиками. Волк сумел определить, что, в отличие от известных ему караванов, этот был особенным. Во-первых, лошади были налегке, без груза и лишь со всадниками. Во-вторых, волк уловил запах кованого металла с едва ощутимым привкусом человеческой крови. Запах закалённого железа волк хорошо запомнил. Когда-то, ещё в юности, он с несколькими молодыми хищниками напал на одинокого путника, который разрубил двоих из них напополам вот таким кованым металлом, после чего остальным пришлось позорно бежать. С тех пор волк осознал, что человек сильнее него.

И те, кто сегодня прошёл по этой тропе, не были обычными погонщиками. Вожак интуитивно почуял, что эти люди были иного склада, иного характера. В воздухе чувствовалась их энергетика необычной силы, как у того одинокого путника, да и всадников было очень много.

«Что они здесь могли делать?» – как бы подумал волк. Эти всадники вспугнули стадо. А козероги за версту чуют опасность. Такие вот обстоятельства и подсказывали волку не торопиться с погоней. Возможно, что люди сами вели охоту за стадом. Поэтому вожаку предстояло решить – составить ли конкуренцию человеку, начав собственную погоню за больным животным, или удалиться в поисках другой добычи.

Волчица же не могла взять в толк, почему он медлит. Каждая секунда дорога, и надо начинать преследование! Она в нетерпении укусила его за ляжку. Волк искоса посмотрел на неё, всё ещё не решаясь открыть охоту.

Это была уже немолодая волчья пара, но она ожидала очередной выводок. Нагулявшись и вдоволь натешившись любовными играми, они ослабли и проголодались. Волчица уже почувствовала самое сокровенное для всего живого – в её утробе зарождаются детёныши, и это втрое обострило её инстинкты, в том числе и главный – сохранение рода. Бессознательное подсказывало ей, что она должна в этот важный период хорошо питаться, тогда выводок родится крепким, и у волчат будут все шансы выжить в суровых условиях гор. Именно эти обстоятельства заставили её взять инициативу на себя и, несмотря на опасность, исходившую от призрачных всадников, начать преследование. Самцу не оставалось ничего, кроме как подчиниться воле волчицы.

После непрерывного бега по непростым горным склонам волк остановился, вновь поднял морду и принялся, чтобы определить дальнейшее направление погони. Волчица, высушив язык, тяжело дышала. Дыхание её стало частым и прерывистым. Волк с сочувствием посмотрел на спутницу – та почти обессилила. Вожаку необходимо было форсировать охоту, чтобы поскорей накормить беременную самку. Но в таком состоянии, сейчас это сделать было нелегко... Волк, как и многие хищники, был приспособлен к трудностям любого порядка, и если у него не хватало прыти и присущей парнокопытным скорости в преодолении сложного горного рельефа, то этот недостаток с лихвой компенсировали феноменальная выносливость и изворотливый ум. В запасе у волка было ещё одно оружие, которым он и решил сейчас воспользоваться. Ведь ум хищника мог только ему известным способом, по каким-то только волчьему роду известным алгоритмам рассчитать время и место пересечения со своей жертвой в той или иной точке пространственной системы координат. Такие молниеносные расчёты под силу боевым самонаводящимся ракетам, каковыми, в сущности, и были, наверное, волки в дикой природе. Расчёт заставил их развернуться на 180 градусов, что могло бы привести в замешательство любого стороннего наблюдателя за погоней. А расчёт был прост. Волки должны обогнать козорогов и выйти им наперерез к скальному разлому, где, согласно рельефу местности, и должно было пройти стадо.

Они молниеносно пересекли узкую лошину и вышли на пригорок, от которого до скального разлома было рукой подать. Волки не сбавляли скорость. Расчёт оказался верным. Стадо проходило по краю пропасти, когда волки вышли ему во фланг. Промчавшись по отвесному склону, козероги почуяли хищников и ускорили бег. А вожак уже нацелился на выбранную жертву. Он точно знал, что одним из последних в стаде, буквально на пределе шло то самое – ослабевшее животное. Волк уже увидел его, почувствовал его. Козерог от невыносимой боли в хромой ноге сбавлял бег, и поступь его стала неуверенной. В глазах больного животного начинало темнеть, козел терял ориентиры. Дыхание прерывалось, он остановился, чтобы передохнуть. И в этот момент, пригнув голову к земле, волк достиг пределов досягаемости жертвы, а когда до неё осталось не более трёх метров, сделал смертельный для козерога прыжок.

Бедное животное не ожидало атаки. Клыки волка вонзились ему в шею и, словно лезвием, перерезали сонную артерию. Кровь хлынула из раны фонтаном, и хищник с вождением впился в свою жертву. Наслаждаясь живительной влагой, он на какое-то мгновение в блаженстве забыл, что вслед за стадом идут люди. Волчица также стала в упоении разрывать теплую плоть бьющегося в агонии козерога. Вдруг до волка дошло, что поблизости могут оказаться всадники. Хищник осознал, что они со своей добычей находятся прямо на тропе, и по ней в скором времени должны пройти те самые люди и их лошади.

И он не ошибся – за его молниеносной атакой наблюдали с горы напротив. Люди, взяв под узду лошадей, осторожно ступали по крутой тропе, где любой шаг мог привести к падению в пропасть. Но идущие вперед были уверены в своих силах и продолжали без страха двигаться по едва заметной дорожке, которая в конечном итоге должна была привести их к месту, где волки терзали свой трофей. Наконец вожак почувствовал чужаков. Поставив лапы на убитого козла, он взглянул на отвесные скалы – и увидел на них вереницу приближающихся людей. Один

человек посередине цепочки выделялся статью и одеянием. В глаза волку смотрел величайший завоеватель мира – Темуджин, сын Есугея. Хотя волку было всё равно, кто перед ним; сейчас его беспокоило лишь то, что пришельцы могли претендовать на его добычу...

Серый хищник тоже привлёк внимание Темуджина. Полководец был искренне изумлен молниеносным нападением волка на козерога. Остановившись, Темуджин обменялся взглядом со своим главным телохранителем в этом походе и произнёс:

– Ты видел, Джебе, эту атаку серого?

– Да, мой повелитель, – тот не меньше начальника удивился прыжку волка. В горах редко случалось своими глазами увидеть охоту хищников.

– Поразительно. Природа наделила их такими способностями, которые человеку и не грезились, – продолжал восхищаться Темуджин, не замечая, как за ним остановились все нукеры-телохранители его личной тысячи. – Вот так и мы должны всегда действовать в атаках. Внезапно, напористо и хитро, – заключил великий монгол и многозначительно посмотрел на Джебе.

– Несомненно, мой повелитель. Мы будем действовать так, чтобы у врагов не было наималейшего шанса, – ответил Джебе и в почтении склонил перед Темуджином голову, на которой красовался великолепный шлем военачальника непобедимой монгольской армии. Темуджин, прищутив глаза, попытался проникнуть зверю в душу. Ему было очень интересно понять, что чувствует сейчас хищник, увидев сразу столько людей. И надо было решить – продолжить путь, отдав добычу волков своим воинам или же подождать, пока волчица не насытится мясом козерога.

Темуджин почувствовал дух волка, который бесстрашно смотрел в его сторону, пока волчица большими кусками рвала мясо и с жадностью глотала. Зверь не боялся человека и, видимо, решил отстоять завоеванное добро.

– Как ты думаешь, если мы попытаемся отобрать его трофей, он его отдаст? – не отрывая глаз от волка, спросил Темуджин преданного Джебе.

– Не знаю, думаю, что перед человеком ему не устоять, – ответил десятитысячник.

– А я думаю, он не отдаст эту добычу.

– Почему, мой повелитель?

– Потому что у его волчицы не осталась сил, и она скорей всего ждёт потомство. Законы великого неба, мой дорогой Джебе. Всё живое подчинено одному – стремлению продолжить свой род. И если сейчас они уступят нам добычу, то волчица не сможет восстановить силы, и это создаст угрозу для их потомства.

– Вы правы, повелитель, – склонив голову, покорно согласился Джебе и добавил: – Всё живое стремится к жизни.

– Но при всём при том у животных есть одно отличие от нас, – подчеркнул Чингисхан.

– Отличие в чем? – осторожно осведомился Джебе.

– Они не подвластны таким человеческим порокам, как алчность, жадность, зависть. Им не ведомы такие чувства, как жажда власти и богатства. В этом они превосходят человека. И ещё я точно знаю – если мы сможем забрать у него добычу, то его свободу мы точно не сможем отнять. Поверь мне, Джебе, небо всем даёт свободу, и это самое дорогое, что может быть у человека и зверя на всём белом свете.

После этих слов Темуджин, сын Есугея замолчал. Немного подумав, добавил:

– И ещё, в отличие от нас, звери никогда не думают о том, чтобы стать бессмертными или хотя бы суметь продлить свою звериную жизнь.

После этих слов непобедимый махнул рукой, и кавалькада двинулась дальше, вслед за проводником. Расстояние между людьми и хищниками стало сокращаться. Кто-то из них должен был уступить другому... С приближением всадников волк, не упуская из виду волчицу, оскалил острые зубы. Хищник решил выступить навстречу людям и приготовился к схватке.

– Стойте, – скомандовал вдруг Чингисхан. Вереница конников, растянувшаяся по горной тропе в длинную колонну, остановилась.

– Что случилось, мой повелитель?

– Вот видишь, я был прав. Волк и не думает уступать нам дорогу.

Чингисхан не ошибся, волк был готов до конца защищать свою добычу и сразиться с любым, пока волчица не насытится свежим мясом. Он был намерен сразиться и с тем человеком, который продолжал наблюдать за ним и пытался проникнуть в его волчью душу. Вожаку было всё равно, что этот стареющий воин – сам великий Чингисхан, названный своим именем за беспримерные завоевания и непобедимость. Волку было безразлично и то обстоятельство, что великий гурхан, пытаясь заглянуть в его душу, тайно грезил о бессмертии, для чего и шёл через эти труднопроходимые горы в долину горячего озера, чтобы встретиться на его берегу с оракулом, ведающим секрет вечной жизни.

– Знаешь, Джебе, есть немало различных религиозных учений. Согласно индийской вере, которая называется буддизм, душа человека никуда не исчезает и может переселяться в различных животных. Как же называется этот процесс? – попытался вспомнить Чингисхан, наморщив лоб.

– Мне об этом ничего неизвестно, повелитель, – ответил Джебе.

– Вспомнил – реинкарнация. И если это так, то в прошлой жизни я точно был волком. Спросишь, почему? Мне часто снится сон, что я один из них. Джебе, если это так, кто знает, возможно, в этом звере живёт душа одного из моих павших воинов, или моего верного военачальника Мухали, а может быть, моего сына Джучи. Скажи, мой верный Джебе, может такое быть, чтобы наши души после смерти переселялись в животных?

– Мне трудно судить об этом. Но я твердо знаю – всё на земле совершается с позволения великого неба – Тенгри.

– Что же, Джебе, мы не будем тревожить волков и подождем, пока они закончат трапезу. Дадим им время для этого. Может, и впрямь душа бессмертна и способна переселяться куда угодно. Быть может, в этом волке – душа моего отца.

Вожак будто понял, что всадники Чингисхана не сделают без его позволения ни шагу, и незамедлительно присоединился к своей, расправляющейся с козорогом, спутнице. Чингисхан и его воины терпеливо переждали пир хищников. Для того чтобы насытиться, волкам много времени и не потребовалась. По окончании пиршества серый зверь вновь пристально посмотрел в сторону Чингисхана. Их взгляды опять встретились. Несколько мгновений они глядели друг на друга, после чего пара хищников развернулась и удалилась прочь, оставив на пути следования монгольских воинов обглоданные кости.

Чингисхан дал знак Джебе, и вереница его людей двинулась дальше. До места назначения отряду Чингисхана оставалось преодолеть ещё один сложный перевал.

Правитель, потерявший сердце своего народа, потеряет страну.

Чингисхан

МЕЧ

Впереди идущий проводник вдруг остановился у исполинской горной ели, которая, словно чудище из сказок, росла в расщелине заросшего тысячелетним мхом валуна. Проводник поднял правую руку, и вереница монгольских воинов, следующая за ним по едва заметной горной тропе, прекратила движение. Поднятая рука означала, что надо спешиться и пройти участок пешком, при этом жестко держать коней за узду, идти нога в ногу, чтобы ни один неверный шаг не вызвал камнепад.

Вместе с воинами спешил и Чингисхан. Сын свободных и просторных монгольских степей замер в ожидании дальнейшей команды проводника. Сейчас от провожатого зависел весь успех перехода, и Чингисхан, несмотря на свой статус, как простой нукер беспрекословно подчинился отдаваемым командам. Кто-кто, а он знал, что в любом ратном деле строжайшая исполнительская дисциплина – это уже половина успеха. Все замерли в ожидании дальнейших указаний проводника. Но вожатый не спешил продолжать движение. Подойдя к огромному валуну, он посмотрел ввысь, на макушку ели, словно просил у неё совета. В голове он просчитывал степень риска прохождения такого числа людей с лошадьми через узкий проход над пропастью. Ведь он, проводник со стажем, не раз провожавший по этой тропе караваны с шелком, знал, что рано или поздно валун должен сорваться вниз и увлечь за собой и животных, и погонщиков. До сего дня проводник особо не задумывался над тем, когда всё случится. Ему хватало, что караванбаши исправно платили ему за то, что он просто указывал путь их караванам среди горных троп перевала Бедель. И если какой-нибудь караванбаши когда-нибудь сорвется в пропасть, проводника мало волновало. Он – человек, выросший в горах, будет точно знать день и час, когда камень, подточенный дождями, потеряет вековую опору и упадёт вниз вместе со своей елью. Но на сей раз он вел особый караван и потому сомневался. В караване не было вьючных верблюдов с крикливыми погонщиками. Этот караван состоял из тысячи монгольских всадников, костяк которых составляли выходцы из племени конуратов – личной охраны Чингисхана. Великий и непобедимый монгол всецело доверял соплеменникам своей матери Оэлун и жены Борте. Прирожденные воины отличались особой дисциплиной, силой, умом и преданностью. Они были способны вынести любые лишения и трудности. И если бы сейчас проводник допустил оплошность, его участь была предрешена. Поэтому он не спешил, тщательно выбирая безопасные тропы и просчитывая возможные риски. Ведь сам Чингисхан, великий джихангир – повелитель мира должен был перейти через перевал Бедель, чтобы попасть к священным водам озера Иссык-Куль. И путь в этом месте Тянь-Шаньских гор предстояло показать ему – Бекжану, сыну Каралая из кыргызского племени Бугучу. Великая честь выпала простому джигиту – проводить избранного в котловину горячего озера.

Спешившиеся воины замерли. Замерли и их кони. Внезапно, пока воины ждали команды продолжать движение, Чингисхан отчётливо услышал биение своего сердца. Тук-тук, тук-тук – громко и неустанно отсчитывало оно удары. Здесь, на высокогорье сердце старого воина работало на пределе. Чингисхана охватило неприятное чувство. Ему показалось, что сердце вот-вот разорвёт ему грудь и выскочит наружу. Чингисхан попытался мысленно успокоить его и обратился к нему, как к старому приятелю, убаюывая тёплыми и нежными словами: «Успокойся, моё сердце. Мы с тобой пока не все земные дела успели сделать. Потому тебе рано уставать. Сколько тебе ещё предстоит биться, столько и мне совершить славных дел». И сердце будто вняло его словам, и ритм биения вновь стал размеренным и спокойным. «Почудилось», – подумал Чингисхан и тут осознал, что удары кажутся громкими из-за поразительной тишины. Он диву дался кратковременному затишью в горах, при котором можно было услышать не только биение сердца, но даже ход мыслей. Его поразило и то, что мысль вдруг приобрела зримые черты, стала по сути материальной, и её можно было ощутить. Это открытие заставило его пожалеть о том, что он не взял с собой в поход мудрейшего советника – Элю-Чу-Цая. Тот, наверное, нашел бы объяснение всему и смог бы рассказать, почему в горах животные и растения наполняет иной дух, они созданы из особой материи, в отличие от тех, что водятся в его родных монгольских степях. Немного подумав, Чингисхан решил, что здесь вообще всё по-другому, ибо горы – грозная сила, после чего вновь прислушался к тишине. В этот момент, пожалуй, он всем своим нутром почувствовал силу гор, проявляющуюся здесь, на высоте, где воздух был разряжён до такой степени, что у отважных воинов носом хлестала кровь, и легкие судорожно сжимались от недостатка воздуха. Трудно дышать было и самому Темуджину, отчего ему захотелось опуститься на колени перед величественными вершинами.

Величие Тянь-Шаня давно поражало воображение Темуджина, сына Есугея. И сейчас, впервые стоя перед рвущимся ввысь небесным пиком, он понял, что для него, рождённого в степи, горы всегда останутся чуждыми и таинственными. Чингисхан безошибочно угадал, что от них вечно будет исходить невысказанная, скрытая угроза, и отвести ее не смог бы даже он. Мощь гор, начало гор, тайну гор постичь было трудно, они оказывались недоступными сознанию степняка.

Там, где он родился, всё было намного проще и понятней. Когда зацветёт та или иная трава, где и в каких изгибах и рукавах Керулена водится та или иная рыба, когда приходит сезон дождей, когда прилетает на зимовку та или иная птица... Здесь же, в горах даже погода меняется три раза на дню, и только здесь могли мирно сосуществовать все четыре времени года. Наверное, по этой причине к людям, рождённым и живущим в горах, у Чингисхана было особое отношение. Быть может, где-то в глубине подсознания он испытывал к ним почтение за то, что они были сделаны из особого материала, были крепки духом и телом. Вот и проводник, идущий впереди, наверное, такой породы. Чингисхан давно отметил, что шаги его были твёрдыми и уверенными. Сейчас провожатый даст команду, и они медленно, но верно пройдут этот самый сложный участок и окажутся на самом пике перевала. Тогда он, Чингисхан, наконец, сможет увидеть долину долгожданного озера Иссык-Куль. Но пока... Пока стояла дилемма: идти дальше по выбранному пути или же сменить его. И решение всецело зависело от проводника.

Чингисхан обвёл глазами своих воинов. Монголы были собраны, сосредоточены и, не смотря на трудность перехода, лица их не выдавали усталости. Однако элементы утомления не укрылись от взора завоевателя. Чингисхан подозвал к себе Джебе. Тот, преклонив колени, ожидал указаний.

– Слушай, Джебе, – степенно обратился он к воину. – Насколько я понял, это последний трудный участок, после которого начнётся спуск в долину, где расположено озеро и куда мы держим путь.

– Да, мой повелитель.

– Почему проводник так долго ждёт?

– Здесь тропа проходит рядом с пропастью, а у того огромного валуна проход ещё больше сужается. Проводник думает, что валун может сорваться вниз и вызвать камнепад...

– И вы не идёте дальше, потому что боитесь, что в пропасть могу упасть я, – не дав закончить мысль военачальнику, Чингисхан строго посмотрел на Джебе, потом продолжил: – Мой верный Джебе, мы с тобой столько прошли вместе. Ты знаешь своего повелителя. Слушай меня внимательно, только ты ведаешь, зачем мы идём в долину горячего озера. Вели проводнику не страшиться, ведь не впервые проходит он по этим горным тропам, немало провёл он по ним караванов с китайским шёлком. Надо спешить, ибо воины притомились – им нужен отдых. Вели проводнику не бояться.

– Слушаюсь и повинуюсь, мой Джихангир, – поспешил Джебе исполнить указание своего предводителя, но не успел. Проводник, как будто почувствовав, принял решение без приказаний Джебе. Взмахом руки он подал знак продолжить движение. Воины, прижавшись к отвесной стене, крепко ухватив лошадей за узду, неспешно, по одному, стали проходить опасный участок. Чингисхан тоже двинулся вперед, вслед за ним последовал Джебе, ведущий на поводу лошадь правителя. Повелитель мира степенно подошел к валуну. Тропа здесь действительно была узкой, и пройти её можно было, лишь вплотную прижавшись к отвесной стене. Одно неверное движение могло спровоцировать обвал. Чингисхан в душе просил помощи Тенгри и, положившись на Небо, спокойно пошел по узкой тропе. В отличие от своих нукеров, он не стал вжиматься в стену. У Джебе замерло сердце. Чингисхан решил остановиться на самом опасном участке – прямо напротив исполинской ели и посмотрел вниз, в пропасть. Наблюдавший за ним с другого конца участка проводник от страха закрыл глаза и взмолился всем богам, которых только знал. Чингисхан стоял в таком положении несколько мгновений. Ему хватило

этой короткой передышки, чтобы почувствовать состояние высоты. И он был потрясен этими ощущениями. Стоя над пропастью, он осознал, насколько хрупка жизнь человеческая. «Один раз оступился – и твои кости на дне пропасти. Так и в жизни – один неверный шаг – и ты на дне», – подумалось ему. Чингисхан в этот момент вспомнил отца. Веря законам гостеприимства, неукоснительно соблюдавшимися народами степей, он, отведав угощения «радушных» хозяев татарского племени, был подло отравлен. «Жизнь – это тонкая нить над пропастью. Сила человека заключается в том, чтобы удержаться на этой ниточке и не упасть на дно её», – завершил свои размышления повелитель и твердой, уверенной поступью прошёл дальше, расставшись с бездной. Вскочив на лошадь, которую подвёл к нему Джебе, он продолжил свой путь. Теперь воспоминания об отце и семье долго не будут отпускать его, так всегда бывает. И, как ни печально, это признаки недалекой дряхлости. Ведь не зря говорят знающие люди, что первая примета стареющего человека – тяга к воспоминаниям. Покорителю мира было о чём вспоминать, и, прямо в седле, в течение этого беспокойного перехода его захлестнули думы.

После смерти отца Эсугея – главы рода, его семье пришлось пережить многое, о чём Чингисхан всегда вспоминал с болью в сердце. Великая женщина – его мать Оэлун, став вдовой, сделала невозможное – сумела сохранить семью и детей после самого страшного, что могло случиться с ними в степи. От них, изгоев, отвернулась всё вольное сообщество. Как правило, семьи, подобные им, были обречены, ибо только проживание в племени гарантировало жизнь. И Темуджину, в девять лет, по прихоти коварного соплеменника Торгутая была уготована нелегкая ноша – отверженность. Каждый день в те времена он просыпался с одной мыслью – как сегодня выжить и стать при этом сильным. Были дни, когда они с матерью радовались уже тому, что просто встретили утро.

В это тяжелое время всё его существо было подчинено одной цели – остаться в живых и вернуть семье былую славу отца – потомка хана Амбагая. И кто может знать, кем бы он был сейчас, если бы отец был жив! Этот вопрос он не раз задавал себе в последние годы. На пике славы он осмелился как-то спросить об этом у матери. После недолгих раздумий она ответила: «Если бы он был жив, ты не стал бы тем, кто ты есть. В жизни случается так, что родители неосознанно отдают свои жизни за детей, чтобы те когда-нибудь возвеличили себя и предков. Такова цена твоей славы, мой сын, такова мудрость жизни». Вспомнив слова матери, Чингисхан невольно подумал – что было бы лучше для него, и какой выбор он сделал бы сейчас: объединение монголов, с которыми он смог покорить мир, или спокойствие рядом с живым отцом? На этот вопрос ответа не найти – тяжело вздохнул мыслитель. Все в руках providения. А сейчас надо идти... И после невольных раздумий Чингисхан ещё раз отметил, как непросто в горах и дороги, и мысли. «Без дороги человек – не человек. Он повсюду ищет её. И если где-то дороги нет, то он сам проложит её там, где, казалось бы, это сделать невозможно. А дороги нужны для того, чтобы не стать одиноким. Ибо не должен быть человек одиноким по определению своему». После этого покоритель мира посмотрел с гордостью на вереницу непобедимых воинов и продолжил путь с мыслью о скорой встрече с оракулом, который, по рассказам купцов из Семиречья, знает секреты вечной жизни и может дать Чингисхану бессмертие.

По преданию, старик этот жил тысячи лет на берегу Иссык-Куля, куда и направлялся сейчас великий и непобедимый. Почти никто из окружения Чингисхана об истинных целях данного похода не догадывался. Многие недоумевали, зачем великому, но немолодому джихангиру нужен был этот переход через Тянь-Шань. В тайну был посвящен очень узкий круг людей, в том числе Джебе. Сам Джебе не раз уже видел загадочное горячее озеро. Это было при жизни старшего сына Чингисхана – Джучи, когда братья пришли покорять Семиречье. Чингисхан услышал об озере от сыновей. В восторге после успешного похода они рассказали ему и матери об этом удивительном месте, вдоль которого проходил Шёлковый путь. Тогда же Чингисхан узнал, что на берегу озера живёт какой-то оракул – предсказатель будущего, хранитель секрета вечной молодости. Властелин мира уже тогда особо отметил этот рассказ сыно-

вей. И теперь, когда годы пошли на убыль, жажда познания секретов вечной жизни подвигла его пересечь Тянь-шаньские горы и встретиться с оракулом. Разумеется, он мог бы приказать, чтобы старика доставили к нему в ставку. Но поговаривали, что оракул был стар и перехода через Тянь-Шань не выдержит. Поэтому Чингисхан решил сам навестить загадочного старца.

Основной путь остался позади, вместе с пропастями гор Ала-Тоо. Так эти горы называл проводник. Отряд, во главе самым джихангиром, в этот момент стоял на самой высокой точке перевала Бедель. Здесь круглый год лежал снег. Солнечный свет, отражающийся от него, больно бил в глаза – так и ослепнуть можно. Чтобы избежать слепоты, воины соорудили из конского волоса маски, которые хоть как-то предохраняли глаза. Сам Чингисхан обходился без этого приспособления. Лошадь джихангира, утопая в снегу, шла вперёд, пока не зарылась в него по самую грудь. Прикидывая, хватит ли ей сил выскочить из сугроба, лошадь зафыркала и замотала головой. Чингисхан похлопал ее по шее, и это придало ей уверенность. Лошадь собралась и, как посланец тетивы монгольского лука, одним махом разорвала снежные путы, выпрыгнув на сухую площадку, где и замерла. Замер и всадник – покоритель вселенной Темуджин, сын Есугея. Замерли и нукеры вместе с военачальником Джебе-нойоном. От увиденного у них перехватило дух. Их повелитель стрелой взлетел на вершину и, как каменное творение божественного скульптора, застыл там вместе с лошадыю. Это было как откровение – когда пред взором Чингисхана, в низине, во всём великолепии предстало заветное озеро. Задержав дыхание, владыка мира стоял на высочайшей вершине из всех, на которых он когда-либо побывал. Впервые он пожалел, что не может, как сказочный зверь, одним прыжком достичь увиденного и поглотить его. Эта вековая красота смогла бы, наверное, поднять его дух на недостижимую высоту и сделать бессмертным. Великий воин замер, понимая с сожалением, что просто так бессмертие не даётся никому. Ему стало больно и обидно, что властелину вселенной такая красота никогда не пожелает подчиниться. Он уйдет, а она будет жить тысячами.

Бессильный перед вечностью, он посмотрел выше гор – на владения Тенгри, потом перевел взгляд на озеро. Джихангира поразило, что Иссык-Куль сливается с небом. Обрамленная по краям высокими горами гигантская чаша была полна божественного нектара, и его непостижимая синева завораживала владыку мира. Все это задело тайные струны его души.

– Слушай, Джебе, это то озеро, о котором мне рассказывали вы с Джучи?

– Да, повелитель, то самое озеро, и оно называется Иссык-Куль – Горячее озеро.

– Какое великолепие, словно небо в чаше, – тихо молвил Чингисхан и продолжил созерцать панораму. Прошло немного времени. С доброй улыбкой он взглянул на воина.

– Джучи был прав, мой верный Джебе, это стоило увидеть, – сказал он и снова погрузился в нескончаемые думы о вечном. Стоя у подножий вечных ледников, Чингисхан всем своим нутром ощутил особое восприятие времени в горах. Здесь оно течет по своим законам. В горах каждый шаг – часть борьбы, и здесь выживает только сильнейший.

– Слушай, Джебе, кто сейчас проживает на этой земле? Элю-Чу-Цай говорил, что здесь когда-то бывал сам Искендер Двурогий.

– Мой владыка, это правда. Тут ступала нога величайшего до тебя воина. После похода через эти места здесь остались и живут потомки персидской знати, построившие на берегу озера город Барсхан. Сейчас в нём живут ремесленники, в том числе прекрасные кузнецы, которые куют крепкие и острые мечи для твоих непобедимых воинов.

– Но как их предки оказались во власти Искендера?

– Среди них были принцы, которых Двурогий взял в качестве заложников, дабы персы не могли поднять бунт после его ухода. Когда он достиг подножий Тянь-Шаня, они стали ему обузой. Искендер не стал обременять армию во время тяжелого перехода в Индии и оставил их на берегу озера.

– И те построили здесь город Барсхан?

– Да, мой повелитель. Они называли его «Городом потомков персидских ханов – Парсхан». А вокруг, в горах и предгорьях живут кочевники – племена кыргызов.

– Да, Джебе, Искендер был великий воин. Далеко ступала его нога. И даже здесь он оставил следы своего величия.

Чингисхан, после слов признания достоинств великого предшественника – Александра Македонского, гордо выпрямился в седле и зычно прокричал:

– Слушай мою команду! В два перехода мы достигнем северной стороны озера, где разобьем лагерь. Местных жителей не трогать, их поселения обойти стороной.

Перед Джебе снова был Чингисхан, великий кочевник и покоритель мира.

– Слушаю и повинуюсь!

Джебе с проворностью юного нукера вскочил в седло и дал знак начинать спуск.

Уже через сутки, то есть за один переход, передовой отряд Джебе-нойона раскинул походный шатер повелителя на мысе на северном берегу Иссык-Куля. Уже на закате, после прибытия Темуджина с основным отрядом во временной ставке запылали костры. Спешившись, Чингисхан не сразу вошёл в шатёр. Он любовался закатом и отметил, что горы – вечные стражники этого края. Войдя в шатёр сам, он пригласил войти и туда и Джебе.

– Ну, присаживайся, мой верный воин. Отведаем пищу вместе. Ты устал не меньше меня после такого перехода. Не легки эти горы, по которым ходят купцы с шелком.

– Усталость меня не тревожит, мой повелитель. Если прикажете, я готов пройти ещё десяток таких перевалов.

– Так уж и десяток? – добродушно усмехнулся Чингисхан. – Мы с тобой уже не молоды. Где те дни, когда мы могли три дня скакать без усталости и появиться там, где нас никто не ждет?

Но в душе Чингисхан знал, что если он прикажет Джебе, воин пройдёт и больше десяти перевалов. Его преданность и дисциплина не раз были проверены за долгие годы ратных дел. Немного поразмыслив, пока Джебе устраивался рядом с ним, непобедимый продолжил:

– Не обижайся моей насмешке. Наверное, я смеюсь над собой. Старость наступает меня.

– Мой повелитель. Не говори так. Рано о старости думать.

– Не надо меня успокаивать. Мы, как и все остальные, являемся рабами времени. Ведь и ты стареешь. И твои глаза не так остры, как прежде, когда ты за сто шагов из лука попадал в серебряный дирхам. Скажи мне честно, ты чувствуешь старость?

– Может быть, это и правда, но моё сердце, которое истинно предано тебе, всё ещё молодо.

– Сердце, говоришь? Оно никогда не стареет. Ну, да ладно, приступим к трапезе. Не будем думать о времени, от него всё равно не скроешься.

Подали вареную баранину. Выбрав кусок пожирнее, Чингисхан передал его Джебе, который в почтении принял его обеими руками. Чингисхан взял себе другой кусок, и два ветерана бесконечных битв, умело орудуя небольшими ножами, стали неторопливо насыщаться. Трапеза сопровождалась кумысом. В шатёр вошел нукер с кувшином тёплой воды, и они так же степенно омыли руки. Ужин завершился, пришло время мудрости.

– Твое слово, мой верный Джебе. Давай поговорим о том, зачем мы проделали этот нелегкий путь. Вы нашли оракула? Где он сейчас?

Джебе не сразу ответил на вопрос Чингисхана. Повелитель почувствовал что-то неладное.

– Ты почему молчишь, вы его не нашли?

– Нашли.

– Так и что с ним?

– Мой повелитель. Прискорбная весть...

– Говори, не томи.

– Старец, которого мы искали, умер неделю назад, его уже похоронили.

– Как умер? – удивился Чингисхан. – Он не мог умереть.

– Увы, великий и непобедимый. Так случилась, и ничего не поделать. – После этих слов Джебе склонил голову, чтобы не смотреть в глаза повелителю.

– Ради неба, какой он тогда оракул, знающий тайну вечной жизни? Получается, всё – обман. И стоило нам тратить столько времени и сил, чтобы взглянуть на его могилу, – прошипел он со злостью. Глаза Чингисхана налились кровью.

– Почему ты сразу мне не сказал об этом? Мы здесь с тобой неспешно трапезничаем, а подлый старик покинул этот мир.

– Мне не хотелось портить ваш ужин, – ответил Джебе и замолчал. В такие минуты Чингисхану лучше было не перечить.

– Я сотру с лица земли все, что связано с этим самозванцем, – прошептал великий кочевник и, сжимая кулаки, вышел из шатра. За ним последовал Джебе и воины с факелами. Чингисхан подошел к озеру и, постояв с закрытыми глазами, в сердцах заговорил:

– Почему так случилось, что старик умер, почему?

Потом посмотрел на Джебе и строго спросил его:

– Где жил этот самозванец?

– Недалеко – там, на мысе. Вон в той кибитке, – поспешил ответить Джебе, указывая ему рукой на запад. В свете лунной дорожки, которая вела к мазанке, Чингисхан увидел её силуэт.

– Здесь жил оракул? – удивился Чингисхан. Злость его, как и недоумение отступили. Он не ожидал увидеть столь убогое строение, в котором мог обитать знаток секретов вечной жизни.

Неожиданно Чингисхан услышал голос. Где-то там, вдалеке были люди... Джебе, уловив мысль воина, глазами указал ему, куда смотреть.

В двадцати метрах от мазанки, где ласковые волны Иссык-Куля плескались о небольшой валун, сидел мальчик лет десяти-двенадцати. Почти воин – но еще нет. Он, раскачиваясь, зычным голосом распевал что-то из народных сказаний. И, похоже, появление вооруженных людей его совсем не интересовало. Чингисхан направился к мальчику. Только теперь непобедимый заметил, что у ног подростка лежала большая чёрная собака. Глаза её были закрыты. Мальчик же, не замечая приблизившегося к нему Чингисхана, продолжал пение, которое, вроде бы, повествовало о каком-то герое. Юный сказитель был отрешен от реальности, казалось, он пребывал в трансе. Временами мальчик взмахивал руками, словно находился с мечом на поле брани. Его взор то светлел, то мрачнел. От мальчика исходила небывалая энергетика, и это заворожило Чингисхана.

Вскоре повелитель будто бы впал в гипнотическое состояние. Ему показалась, что на берег налетела буря с проливным дождем. В толще темной воды он вдруг увидел великую битву, конную атаку, услышал лязг оружия, крики обреченных. Ему казалось, что он, насквозь промокший, стоит посреди сражения. Сердце бешено колотилась. Ему было знакомо это состояние. Его можно было испытать только тогда, когда на разгоряченной лошади врываешься в самую гущу сражения. Это было острейшее из чувств, когда-либо испытанных воином. В какой-то момент Чингисхан понял, что это лишь видение, а сам он по-прежнему стоит на берегу теплого озера, у хижины покинувшего мир оракула и слушает какую-то легенду из уст неизвестного мальчика. После своеобразного погружения Чингисхан оказался в поту, будто после настоящей битвы. Мальчик тем временем продолжал свой сказ.

– О чём он рассказывает? – спросил тихонько повелитель монголов, всё ещё оставаясь во власти странного видения.

Джебе ответил не сразу. Когда-то в Семиречье воин слышал у кыргызов что-то подобное. То было народное сказание о великом герое прошлого.

– Сказание о воине Манасе, – ответил Джебе, поразмыслив.

Чингисхан порылся в памяти, но не нашел ничего, кроме какого-то странного, едва уловимого ощущения знания. Может, отголоски прежних жизней?

– Кто такой этот Манас? В чём его сила? Кажется, я слышал о нём что-то?

– Это славный кыргыз. Он был защитником народа и своей земли. Но главная его заслуга в том, что он собрал сорок кыргызских племен под единое знамя и сделал кыргызов непобедимыми.

– Да, кыргызы славные воины. Тебе ли не знать об этом, Джебе.

– Ты прав, великий, это свободолюбивый и гордый народ, как эти горы.

– И сказание о Манасе действительно завораживает. Он и вправду был героем, который заслуживает уважения.

Вдруг мальчик остановил сказание, посмотрел на Чингисхана и громко заплакал.

– Ты чего реवेशь? И кому ты рассказываешь про Манаса?

Мальчик ответил не сразу. Всхлипывая, он посмотрел на воинов с факелами и тихо промолвил:

– Я плачу, потому что мне так не хватает деда! А про Манаса я рассказываю потому, что дедушка любил слушать меня. Его душа рядом, и он слышит меня. Я очень скучаю по деду, он был таким хорошим.

– Сказание о Манасе длинное?

– Очень. Настоящие манасчи могут рассказывать о его подвигах трое суток подряд.

– Воистину это народное творение удивляет меня, если ты говоришь правду.

– Я не умею лгать. Когда вырасту, хочу стать настоящим сказителем, тогда я смогу восхвалять Манаса столько дней подряд, сколько у меня хватит сил не спать.

После этих слов мальчик смахнул с глаз слёзы, словно это были капли прибоя, и спрыгнул с камня. И воин и нет, вновь отметил про себя Чингисхан. А юноша просто спросил его:

– Вы – Темуджин, сын Есугея?

– Да. Откуда ты знаешь меня? – Вопрос был почти риторический. Повелитель вселенной знал, что эта встреча – неспроста.

– Дедушка говорил мне, что вы придете сюда.

– А где твой дедушка и кто он такой, если знает то, чего ещё не случилось? Наверное, молва обо мне летит быстрее моих коней.

– Мой дедушка покинул нас, и мы его похоронили.

– Так твой дедушка и есть оракул? – сверлящим взглядом посмотрел Чингисхан на мальчика.

– Да, уважаемый Темуджин, – просто ответил мальчуган и почему-то с выражением большого сострадания посмотрел на пса, который никак не отреагировал на появления чужаков и продолжал лежать. – Собака тоже умирает.

– А чья это собака? – теперь только обратил внимание на неё Чингисхан. – И отчего она умирает?

– Это наша собака, она очень любила дедушку. Когда он умер, она перестала кушать и лаять. Наверное, ждёт его, тоскует.

– Может быть, ведь собаки за долгие годы привязываются к хозяину. Но ты мне скажи, мальчик, от чего умер твой дедушка?

– Я не знаю. Наверное, от старости.

– И насколько он был стар?

– Об этом никто не знает. Может быть, ему было тысячу лет.

– И этому можно верить?

– Не знаю, так говорили в округе.

– А сам-то он что говорил по этому поводу?

– О своём возрасте дедушка никогда ничего не говорил.

– Я смотрю, ты смысленный мальчик. – Чингисхан перевел взгляд на Джебе, стоявшего на почтенном расстоянии, и обратился к нему: – Как думаешь, Джебе, можно верить этому мальчику или нет? – и, не дождавись ответа, продолжил: – Ну, расскажи, сам-то ты кто будешь?

Мальчик не сразу ответил на этот вопрос. Поразмыслив, как взрослый, он вытер опухшие глаза рукавом грязного кафтана, встал и с гордостью произнес:

– Я Тынар, сын Алтана из племени конуратов.

– Так ты – мой племянник, получается, – усмехнулся Чингисхан, потом с почтительной интонацией добавил: – Моя мать из твоего племени. А вот эти воины – твои соплеменники, – указал он на отряд телохранителей, плотно оцепивший место, где великий вел беседу. Мальчик без тени страха посмотрел на вооруженных людей, которые стояли, не шелохнувшись, и были готовы в любой момент защитить своего предводителя.

– Они тоже великие воины, как и ты? – спросил он у Чингисхана, который, подобно собеседнику, оценивающе разглядывал своих верных нукеров.

– Да, они такие же великие, как и я, – с гордостью ответил, наконец, Чингисхан, и ни один мускул в этот момент на лицах телохранителей не дрогнул от услышанного. Но было видно – и это не ускользнуло от взора правителя, – что им было приятно слышать такие слова из уст самого джихангира.

– А как ты к старику прибился, ведь ты, насколько я понял, не родной ему, пришлый? И откуда ты про меня столько знаешь? – продолжил свои расспросы Чингисхан.

– Я был невольником купца из города Кашгар. Он забрал меня за долги нашей семьи. Отец рано умер и не смог выплатить долг. Когда караван проходил среди этих мест, я сильно захворал, и меня бросили здесь, чтобы я не стал обузой. Местные жители нашли меня умирающим и отнесли к старику. Он выходил меня, за что я ему бесконечно благодарен. Выздоровев, я остался у него и до последних дней помогал готовить различные лекарственные настои из горных трав. Дедушка лечил людей и умел предсказывать будущее. Теперь его нет, и я не знаю, что мне дальше делать. – После этого короткого рассказа о себе мальчик замолчал. На его глаза навернулись слёзы, и он, посмотрев на собаку, которая уже не подавала признаков жизни, сообщил:

– Собака умерла!

Это известие поразило повелителя вселенной. «Животное умерло от тоски по человеку. Разве такое бывает? Что же это за чувство такое, когда зверь ради человека готов пожертвовать своей жизнью? Это точно не любовь, ведь животные не умеют любить. Но это больше, чем преданность. Так что же это такое?» – подумал Чингисхан, потом неизвестно к кому обратился:

– Что могло заставить эту чёрную собаку превознести жизнь старика выше, чем свою собственную?

Он знал, что не найдёт ответа, и просто спросил мальчика, как будто разговор шел о человеке:

– Скажи, Тынар, каким был этот пёс.

– Он был умным, верным и смелым. Однажды он спас меня от двух волков, – поспешил ответить мальчик.

– Эта собака по праву заслуживает почтения, – сказал Чингисхан. Потом с уважением, как к равному, посмотрел на мальчика, который всё больше и больше начинал ему нравиться, и сказал: – Настоящая верность друга – это больше, чем любовь. Надо ценить её и дорожить ею, словно это твоё самое большое богатство.

– Вам лучше знать, великий Чингисхан, – словно взрослый, ответил Тынар и замолчал.

Мальчик чем-то напоминал Чингисхану его самого. Человек, испытавший бремя рабства и потерю отца, знает цену жизни и свободы. Видимо, это способствовало ранней зрелости мальчика. «В будущем его ожидают славные дела. По крайней мере, из него выйдет достойный человек», – с такой мыслью Чингисхан продолжил беседу с ним.

– Слушай, Тынар, раз ты знал, что я приду сюда, может, тебе старик ещё что-нибудь рассказал обо мне?

– Да, рассказал, скорее, просил передать.

И снова Чингисхан был поражён откровением мальчика. Прищурился левый глаз, он тихо, почти шепотом, но властно спросил: – И что же просил передать мне всезнающий старик, который, не дождавшись меня, поспешно покинул этот бранный мир?

– Он просил передать... – мальчик вдруг замолчал. Вокруг всё сразу стихло. Лишь волны по-прежнему бились о берег.

– Ты чего умолк? – спросил его Чингисхан и понял, что мальчик желает остаться с ним наедине. Правитель сделал знак Джебе, и тот отвёл своих людей подальше. После того, как воины отошли на почтительное расстояние, мальчик продолжил:

– Так вот, дедушка просил передать вам следующие слова, – Тынар снова замолчал и, почесав в затылке, продолжил: – Он сказал, что скоро сюда придет великий воин по имени Темуджин. Себя он назовёт Чингисханом. К этому времени меня уже не будет. Передай ему следующее: «Оглядывайся назад и помни, что ты – человек».

– И это всё, что передал твой дед?

– И ещё он сказал: «Нельзя найти то, чего нет».

Прошло долгая пауза, пока разум Чингисхана постигал послания старика. Стремительно стареющему воину стало ясно, что на этом разговор между ним и Тынаром, у которого всё было впереди, окончен. Вдруг великому монголу подумалось: если бы ему, чтобы продлить жизнь, предложили выбор: поменяться местами с этим мальчиком, отдав ему взамен свою славу, и стать молодым и безвестным, или же завтра умереть старым и беспомощным, но со славой героя степей, что бы он выбрал?.. Ответа на этот вопрос у него не было.

Чингисхану от таких мыслей вдруг стало грустно и захотелось побыть одному. Ему ещё предстояло осмыслить послания оракула. Ведь в них таилась разгадка многих тайн. Он похлопал мальчика по плечу и сказал:

– Тынар, ты славный юноша. Если пожелаешь, я возьму тебя с собой. Ты будешь служить мне, как служил старику. Подумай и завтра дай ответ.

– Для меня будет большая честь служить вам, Темуджин, – в глазах мальчика загорелось отражение факелов.

– Тогда, до завтра, мой юный друг, – похлопал он мальчика по другому плечу. – Ты славный представитель племени конуратов. Твой отец мог бы гордиться тобой. Я думаю, что у тебя всё впереди, и ты станешь достойным человеком в этом мире.

После этих слов Чингисхан повернулся и пошёл в сторону шатра. Ему больше не о чем было говорить с мальчиком. Но не успел Чингисхан пройти и десяти шагов, как его окликнул Тынар.

– Темуджин, Темуджин, извините меня великодушно! – Давно его не называли по имени. Так к нему обращалась мать и самые близкие люди.

– Слушаю тебя, Тынар, ты что-то ещё хотел сказать? – обернулся Чингисхан.

– Ваши люди помогут мне закопать Кумайыка? – просто спросил мальчик у властелина вселенной.

– А кто это? – удивился Чингисхан. Имя не было ему знакомо.

– Так звали нашу собаку.

– Ах, да! Я велю своим людям помочь тебе, – голос Чингисхана прозвучал сдавленно и как-то опустошенно. Он посмотрел на мёртвую собаку и добавил: – Верность всегда должна быть вознаграждена. Только животные могут быть такими преданными. Жаль, что люди не всегда могут быть таковыми.

На этом закончился их разговор, и Чингисхан в сопровождении телохранителей удалился в свой шатёр в больших раздумьях.

В походном покое Чингисхана потрескивал арчовник, пламя костра медленно пожирало его, наполняя шатёр теплом и приятным ароматом можжевельника. Огонь поддерживался нукером, который подкладывал дрова, как только костёр терял свою силу. Рядом с огнем на невысоком ложе лежал Чингисхан. Он не спал, и взгляд его был устремлён на играющие блики огня, которые отражались в его зрачках. От огня исходила приятное тепло, оно навевало нескончаемые думы.

Сегодня для Чингисхана стало очевидным, что старик действительно обладал даром предвидения. Ведь не мог же мальчик, при всех своих достоинствах, знать о его визите. Снова и снова он возвращался к разговору с Тынараром и убеждался, что молва не врала насчет старика. Вот только одного Чингисхан не мог понять. Если старик знал секрет вечной жизни, почему он позволил себе покинуть этот мир? От таких раздумий Чингисхану не спалось. В последнее время его вообще часто мучила бессонница. Врачеватели говорили, что это – всего лишь переутомление, и ему необходимо больше отдыхать. Но старый воин склонен был считать по-другому. Он вычислил простую зависимость между сном и бессонницей. Продолжительность сна человека зависит напрямую от продолжительности его жизни. Чем больше ты живешь на этом свете, тем короче становится твой сон. Возможно, причиной бессонницы Чингисхана могло послужить и то, что его длинная и насыщенная жизнь давала много пищи для размышлений. Думы о ней укорачивали время сновидений.

Продолжая думать о послании старика, он невольно прислушивался к шуму прибрежных волн, который был слышен в шатре. Шум прибоя где-то успокаивал Чингисхана, а где-то давал пищу для новых размышлений. Чингисхан, напрягая слух, пытался угадать, какого размера волны. Но так нельзя было определить их величину... Судя по мягкому звуку, они были невелики. Чингисхану вдруг подумалось: вот из такого малого волнения образуется шторм. Из маленького дуновения – буря. Так и люди. Одни, словно буря, врываются в эту жизнь, клокоча и бурля, они неустанно идут к своей цели, оставляя после себя славу героя. Другие же проживают жизнь размеренно и степенно, после чего спокойно уходят на покой. Не это ли имел в виду старик в своем послании?

Засыпая, Чингисхан снова вспомнил отца, образ которого хранил в своей памяти как символ одержанных и будущих побед. Ему вдруг представилось, что он бежит по степи навстречу отцу, а тот идёт к нему пешком. Но сколько бы они ни стремились друг к другу, они не могли приблизиться даже на один шаг. И маленький Темуджин от бессилия кричал: «Отец, отец, не уходи...»

Похоже, он все-таки уснул, и ему привиделось, что от озера к его шатру идёт белобородый старец с чёрной собакой. Чингисхан хотел было подняться и встретить гостя, но почему-то у него не оказалось на это сил. Он так и остался на ложе. Тем временем старик приблизился к шатру и, оставив собаку на пороге, вошёл.

– Здравствуй, Темуджин, – как со старым знакомым, поздоровался старик с Чингисханом.

– Откуда ты меня знаешь, старец? – сдавленный голос вырвался из груди Чингисхана.

– Я тебя ждал, но не дождался, – спокойно ответил старик и многозначительно посмотрел прямо в глаза правителю.

– Ты – оракул, – великий монгол понял, кто почтил визитом его шатёр, и снова попытался встать. На этот раз силы частично вернулись к нему, и ему с трудом удалось это сделать. На ватных ногах, пошатываясь, он приблизился к старику и, заглянув ему в глаза, увидел, что они были небесно-голубого цвета. Это удивило Чингисхана.

– Ты есть, или это мой сон?

– Я – есть, а быть может – и нет.

– Почему у тебя, старик, глаза голубые, как небо, и глубокие, как воды Иссык-Куля? – Чингисхан продолжал задавать старику вопросы, не замечая, что шатра уже нет, а сами они

оказались на берегу озера. Собака, тут как тут, подбежала к хозяину и, лизнув ему руку, улеглась у его ног. Оракул, нагнувшись, погладил собаку по голове и спокойно ответил собеседнику:

– В моих глазах отражается цвет этого священного озера, – показал старик рукой на широкие просторы Иссык-Куля. – А глубоки они потому, что в своей жизни многое пришлось мне повидать и хорошего, и плохого. Правда, Кумайык? – старец почему-то обратился к собаке, словно той были известны все тайны жизни оракула. Кумайык, будто понял, о чём спросил его хозяин, утвердительно кивнул, закрыл глаза и положил голову на лапы. Чингисхан, внимательно взглядевшись в пса, заключил:

– Слушай, старик, мне знакома твоя собака. Но ведь она умерла, как и ты, – он перевёл взгляд на старика и спросил: – Вы призраки? Отвечай, старик! Куда все подевались? Я не вижу своих воинов, и где мой шатёр? Отвечай! Почему ты не дождался меня?

Старик не спешил отвечать на вопросы, которые сыпались градом. Он пристально смотрел вдаль, в сторону озера, и чуть погодя произнёс:

– Сколько в жизни вопросов, столько и ответов быть должно.

– Ты точно призрак?! И собака твоя – призрак?! – Чингисхан попытался было схватить старика за руку. Но это у него не получилась.

– Ты прав, мы – всего лишь твоя иллюзия. Но не пугайся, ведь и сама жизнь – иллюзия. Мир существует, пока есть ты. Когда не станет тебя, не станет и этого мира. Не бойся покидать его.

– Мне нечего бояться в этом мире.

– Но ты – покоритель вселенной – боишься смерти.

– Боюсь, как и все. Я ведь человек... Зачем ты явился ко мне, старик? Терзать мою душу? Что тебе от меня нужно, раз ты уже покинул этот бранный мир?

– Опять много вопросов. От тебя мне не нужно ровным счётом ничего.

– Так ты можешь мне помочь? – в голосе Чингисхана послышались нотки надежды.

– Думаю, в том, о чём ты меня собираешься просить, я не смогу помочь.

– Так какой ты тогда оракул, знающий тайну вечной жизни?! – в сердцах вскричал Чингисхан. – И стоило мне тащиться сюда, чтобы услышать твои поучения, которые не стоят и ломаного гроша! Ты ответь мне на один вопрос. Знаешь ты эту тайну или нет?

– А кто тебе сказал, что мне известна эта тайна? – удивился настойчивости собеседника старик.

– Мне сказали знающие люди.

– Они просто хотели дать тебе надежду, Темуджин, и сказали тебе то, что хотели услышать твои уши. Запомни, ничего вечного нет, кроме времени.

– Слушай, старик, если ты дашь мне эликсир бессмертия, то я тебе обещаю, что мой меч станет не оружием завоевателя, а мечом правосудия. Я установлю в мире такой порядок, при котором все люди будут жить в благополучии и согласии как единый народ.

– И ты этому веришь? – усмехнулся старик. – А человеческие пороки, о которых ты так часто стал думать? Зависть, жадность, жажда власти. Ты о них забыл? Чтобы построить новый, лучший мир, тебе необходимо выбить всю эту ересь из каждого. Тебе, великому Джихангиру, под силу сделать это? – строго спросил старик.

Чингисхан ответил не сразу. Немного помолчав, собравшись с мыслями, он тихо признался:

– Увы, старик, не под силу.

– Вот, видишь, великий завоеватель. Даже тебе это не под силу.

После этих слов старца день вдруг сменился ночью, на небе появилась луна и звезды.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.